

ПОСЛЕДНИЙ УЧАСТНИК

Сергей Орлов

Сергей Орлов

Последний участник

«Автор»

2026

Орлов С. В.

Последний участник / С. В. Орлов — «Автор», 2026

Девять бывших одноклассников встречаются спустя семнадцать лет после выпуска. Десятый стул остаётся пустым, а организатор вечера Артём исчезает, оставив телефон и куртку. Вскоре от его имени начинают приходить сообщения — фотографии, расписки и вопросы о школьном конкурсе, который все предпочли забыть. Надя Соколова, редактор книг, узнаёт на одном из снимков собственную подпись. Чтобы понять, что случилось с Артёмом, ей приходится проверять чужие воспоминания и пересматривать свои. Но старые документы связаны с нынешними платежами благотворительного фонда. Когда погибает его бухгалтер, поиск пропавшего становится частью расследования убийства. Кто отправляет сообщения? Кому выгодно чужое молчание? И можно ли вернуть человеку его имя, не превратив правду в ещё один способ управлять им? «Последний участник» — детективный роман о памяти, доверии и цене удобной версии прошлого.

© Орлов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Встреча	5
Глава 1. Десятый стул	5
Глава 2. Конверт	9
Глава 3. Вещи до утра	12
Глава 4. Утро без организатора	16
Глава 5. Женщина с папками	19
Глава 6. Девять человек	23
Глава 7. Правильная фамилия	26
Глава 8. Пакет для всех	29
Глава 9. Лев	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Орлов

Последний участник

Часть I. Встреча

Глава 1. Десятый стул

Артём потребовал десять стульев, хотя в подтверждённом списке было девять имён, включая его собственное.

— Может, запасной? — спросила Надя.

— Она придёт.

— Кто?

Артём поправил табличку с её именем и сделал вид, что не услышал.

В школьном чате три недели обсуждали меню, парковку и человека, который всем когда-то задолжал по тысяче рублей. Надя читала переписку урывками между рабочими письмами. Согласилась прийти, когда Артём написал ей отдельно: «Будет кое-что, о чём ты давно хотела спросить».

Теперь он водил пальцем по краю десятой тарелки. На салфетке не было карточки с именем.

— Если это очередной конкурс, я домой, — сказала Надя.

— Никаких конкурсов.

Он произнёс это слишком быстро. Она поставила сумку на соседний стул, который тут же отодвинул официант: у окна оставалось мало места для прохода.

От ресторана Надя ждала чего-нибудь неловко торжественного — бархата, золотых завитков, слова «банкет». Вместо этого они сидели в застеклённой пристройке к старому особняку. Через стекло были видны мокрый двор и служебная дверь напротив. Над столом висели три одинаковые лампы, в одной не горела лампочка. По просьбе Артёма менеджер принёс настольную свечу.

— Всё, как в одиннадцатом классе, — сказал Артём. — Денег на полную комплектацию не хватило.

Надя не поддержала шутку. В школе на полную комплектацию денег хватало всегда. Не хватало только на вещи, которые не требовалось фотографировать.

Она сняла пальто и осталась у стола, не зная, что ещё делать руками. Артём выглядел почти так же, как на фотографии в чате: короткие волосы, худое лицо, тяжёлые веки. Но фотография была сделана в солнечный день, и на ней не было свежей ссадины у большого пальца.

— Поцарапался? — спросила она.

Он спрятал руку под стол.

— Коробки разбирал.

— Ради встречи?

— Давно пора было.

В дверях появился Саша с двумя пакетами. В одном лежали кабель и небольшой проектор, из другого торчала красная крышка коробки из-под печенья.

— Только не школьное видео, — сказала Надя.

— Ещё хуже. Фотографии, на которых у всех нормальные колени.

Саша поставил пакеты возле розетки. Он всё ещё носил круглые очки, хотя в школе уверял, что сделает операцию сразу после выпускного. На дужке виднелась полоска прозрачного скотча.

— Артём, питание здесь. А звук?

— Не нужен.

— В прошлый раз ты говорил, нужен.

— В этот раз говорю, не нужен.

Саша посмотрел на Надю, как будто она могла подтвердить, что изменение программы не означало ссору. Она сделала вид, что проверяет телефон.

Последнее сообщение от Артёма было вчерашним: «Будет кое-что, о чём ты давно хотела спросить». Надя не отвечала на него. Зато прислала в общий чат галочку под меню, словно соглашалась только с салатом и горячим.

Первой из остальных приехала Ольга. Она обняла Надю и сразу отступила, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Ты совсем не изменилась.

— У тебя плохое освещение.

— Нет, серьёзно. Всё такая же.

Надя улыбнулась. Если человек не изменился за семнадцать лет, это, вероятно, должно было его расстроить. Ольга между тем уже стягивала кольцо с правой руки и перекладывала на левую. На правой осталась белая полоска.

— Развелась? — спросил Саша от розетки.

— Пальцы отекают, — ответила она.

Он наклонился к удлинителю.

Потом пришли Виктор и Лера. В школьные годы Лера не позволяла ему держать её за руку при учителях; сейчас они вошли отдельно, хотя приехали на одной машине. Виктор говорил по телефону, Лера несла его пальто.

— Я на личном мероприятии, — сказал он в трубку. — Во вторник обсудим. Не присылай мне больше ничего сегодня.

Он отключил звонок и улыбнулся всем сразу. Надя узнала эту улыбку. Когда-то учительница химии позволяла Виктору переписывать контрольные после уроков, потому что он говорил: «Я понял, Марина Викторовна, теперь правда понял» — с таким же выражением лица.

— Артём, ты великодушный человек. Собрать нас — подвиг.

— Посмотрим вечером.

Виктор рассмеялся, хотя Артём не улыбнулся.

Надя заметила на лацкане Виктора маленький серебряный значок с изображением ладони. Точно такой был на сайте фонда «Шаг», который попался ей, когда она проверяла, чем теперь занимаются одноклассники. Она закрыла вкладку после фотографии: Виктор вручал цветы женщине у стенда с надписью «Таланту нужен шанс».

Женщина на фотографии смотрела не на цветы, а на конверт в его второй руке.

За последующие двадцать минут пришли Павел, Ирина и Денис. Денис опоздал настолько, чтобы это можно было объяснить пробками, но недостаточно, чтобы все уже расселись. Он держал в руках бумажный пакет с тортом и несколько раз повторил, что теперь не пьёт.

За столом оказалось девять человек. Десятый стул стоял между Артёмом и Надей. Никто на него не сел, даже когда Лера захотела пересесть подальше от окна.

— Там сквозняк, — сказала она.

Артём поменялся с ней местами, сам отнёс свою карточку и снова оставил пустой стул рядом с Надей.

— Кто ещё должен прийти? — спросила Ирина.

— Позже узнаете.

— Учительница?

— Нет.

— Тогда я спокойно буду есть, — сказала Ольга. — Мне до сих пор кажется, что надо поднять руку, прежде чем заказать добавку.

Смех прокатился по столу и погас возле Артёма.

Он не заказал ни добавки, ни горячего. Когда официантка уточнила, нужна ли ему рыба, сказал, что пока подождёт. На столе перед ним лежал телефон экраном вниз. Иногда Артём касался его пальцем, но не переворачивал.

Надя почти не участвовала в разговорах. Первые полчаса люди сообщали друг другу, сколько у них детей. Следующие полчаса объясняли, почему не живут там, где собирались жить. Ирина достала фотографии близнецов, Павел — собаки; Денис пообещал показать ремонт и забыл. Виктор рассказывал про фонд. Он употреблял «мы» так часто, что Надя перестала понимать, кто ещё входил в это «мы».

— А ты всё книги? — спросил он у неё.

— Чужие.

— Зато всегда можно сказать, что ошибки тоже чужие.

— Обычно их оставляю я.

— Сильное признание. Здоровая самокритика.

Артём впервые за вечер поднял глаза.

— Ты тоже попробуй.

Виктор поставил бокал, прежде чем ответить.

— Что именно?

— Самокритику.

У Ольги звякнула вилка. Кто-то заговорил про учителя физкультуры, и все с готовностью обсуждали его старую «Ниву», будто машина только что подъехала и избавила их от необходимости смотреть друг на друга.

В зал вошла официантка с ведёрком льда. Артём поднялся, попросил подождать и ушёл в сторону гардероба.

Надя посмотрела на часы. Было двадцать один семнадцать.

Позже ей предстояло вспомнить, зачем она посмотрела. Пока она только подумала, что вечер можно будет закончить до последнего метро.

Первым отсутствие Артёма заметил Денис.

— Наш спонсор ушёл?

— По телефону говорит, — ответила Лера.

— Он телефон оставил? — спросила Надя.

На столе его уже не было.

Саша поднял голову от проектора:

— Забрал.

Официантка унесла остывшую тарелку Артёма. Потом подала другую — он всё-таки заказал рыбу заранее. Когда она во второй раз подошла к пустому месту, Надя вышла в коридор.

За стойкой гардероба сидела пожилая женщина и разгадывала кроссворд. На стене горел зелёный человечек над дверью.

— Мужчина в синей рубашке выходил?

— Многие выходили.

— Худой. Без пиджака.

Женщина подняла глаза, но не отложила ручку.

— Вещи не забирал.

У входа пахло сырым камнем. Надя толкнула наружную дверь, посмотрела на мокрую лестницу и три машины у ограды. Никто не стоял с телефоном. Из соседнего зала вышла пара; мужчина придержал женщине дверь и не посмотрел на Надю.

Она позвонила Артёму. Длинные гудки кончились стандартным предложением оставить сообщение.

Вернувшись, она сказала:

— Его нет.

— Наверное, решил не смотреть наши фотографии, — сказал Павел.

На экране как раз показывали выпускной класс. Артём стоял в последнем ряду, за плечом Надиной подруги Марины. Надя захотела попросить Сашу вернуть предыдущий снимок, но он уже переключил дальше.

Больше за стол Артём не вернулся.

В двадцать три сорок две, когда ресторан начал гасить свет, в общем чате появилось первое сообщение.

«Спасибо, что пришли. Теперь каждый вспомнит, за что он получил свою награду».

Надя посмотрела на пустой стул. Потом на Сашу, сидевшего напротив. Он держал телефон двумя руками, как чашку с горячей водой.

— Это шутка? — спросил кто-то.

Следующее сообщение содержало фотографию. На ней Надя в школьной форме стояла рядом с Артёмом перед кабинетом директора. В руке у неё был конверт.

Она никогда никому не рассказывала, что лежало внутри.

Глава 2. Конверт

Виктор первым отодвинул стул.

— Хороший вечер. Всем спасибо.

Лера не поднялась. Она смотрела на экран телефона, лежавшего рядом с её тарелкой.

— Он пропал, — сказала Надя.

— Да брось. Взрослый человек ушёл из ресторана. Два разных глагола.

— И оставил нас оплачивать ужин?

— Ужин оплачен. Я договорился.

Надя вспомнила слово «спонсор», которым Денис называл Артёма. Виктор до этого не поправлял его.

— Когда?

— Не считаю нужным выставять счёт за дружеские посиделки.

— Я спросила, когда ты оплатил.

Он перестал улыбаться.

— Надь, что с тобой?

Её вопрос действительно звучал странно. Всего двадцать минут назад она думала о такси, зарядке телефона и о том, что придётся стирать свитер: от свечи пахло сладким воском. Теперь хотела удержать Виктора за столом. Не знала зачем, но поняла, что после его ухода отвечать на вопросы будет уже некому.

— У него пальто осталось, — сказала она.

Денис открыл снимок и увеличил конверт двумя пальцами.

— Кто это фотографировал?

— Не помню, — ответила Надя.

— Ты же там стоишь.

— Люди не всегда запоминают того, кто направляет на них телефон.

— Это ещё фотоаппарат, — сказал Саша. — Две тысячи девятый. Видишь дату снизу?

Жёлтые цифры в углу показывали двенадцатое мая. Надя помнила эту дату без цифр. В тот день в школе пахло краской: рабочие начали ремонт лестницы, и всем велели ходить через внутренний двор. Она пришла в новых туфлях, купленных специально для вручения дипломов. До кабинета директора дошла босиком, держа туфли в пакете.

На фотографии ног не было видно.

— А награда какая? — спросила Ольга.

— Там были деньги, — сказала Надя.

Никто не ответил сразу. Она расслышала гул холодильника за стеной. Ресторан почти опустел, музыка выключилась минут пять назад.

— Премия? — уточнила Ирина.

— Мне её предложили. Я отказалась.

Она произнесла два последних слова и почувствовала, как её школьная история принимает удобную форму. Отказалась. Можно было оставить её такой — одноклассники не стали бы выяснять, сколько часов прошло до отказа и кто заставил Надю вернуть конверт.

Виктор поправил манжету.

— У нас половина класса получила что-нибудь на выпускном. Дипломы, сертификаты. Какая теперь разница?

— Это было до выпускного, — сказала Надя.

— Тем более.

Телефон на столе коротко завибрировал. Потом ещё один. Надя увидела следующее сообщение раньше, чем подняла свой:

«Пустое место оплачено. Не торопитесь его занимать».

Павел повернулся к десятому стулу. На нём всё ещё лежала сложенная салфетка.

— Может, он нас снимает? — спросила Лера.

Она впервые за вечер посмотрела на потолок.

— Здесь камера только в коридоре, — сказал Саша.

— Откуда ты знаешь?

— Проектор подключал. Розетки искал, всё осмотрел.

— Камера может быть в проекторе.

— Не в этом.

Павел рассмеялся, но никто не поддержал его, и он стал собирать салфеткой крошки вокруг тарелки.

Надя открыла личную переписку с Артёмом и написала: «Вернись. Мы не понимаем, что происходит».

Рядом с сообщением появился значок отправки. Ответа не было.

— Он раньше так делал? — спросила она.

— Что именно? — Саша не отрывался от своего телефона.

— Устраивал представления, исчезал, писал странные вещи.

— Мы не жили вместе.

— Ты помогал ему организовать встречу.

— Я закрепил сообщение в чате и принёс проектор. Этим мой преступный вклад ограничен.

В дверях показался менеджер. Он называл себя Стасом, хотя на бейдже было написано «Станислав».

— Друзья, мы закрываемся. Могу вызвать вам машины.

Надя поднялась.

— Мы не можем найти человека, который бронировал зал.

— Артёма Сергеевича?

— Да.

— Он не предупреждал, что уедет раньше.

Менеджер сказал это спокойно, без удивления. Надя вдруг поняла, что отсутствие Артёма ещё не стало событием для остальных людей. Ресторан мог закрыться, гардеробщица — уйти домой, официантка — выбросить последнюю салфетку. Всё, что они видели, растворилось бы в обычной смене.

— Можно посмотреть камеру у входа?

— Запись гостям мы не показываем.

— Тогда хотя бы не удаляйте её.

— Там автоматическое хранение. Несколько дней.

— Сколько точно?

— Администратор знает. Сейчас его нет.

Виктор подошёл к двери и обнял менеджера за плечи.

— Стас, всё нормально. Наш друг любит сюрпризы. Мы уже собираемся.

— Я бы хотела оставить вам его имя и свой телефон, — сказала Надя.

Менеджер посмотрел на Виктора, потом на неё.

— Конечно.

Он принёс карточку для отзывов. На лицевой стороне предлагалось отметить, понравилась ли кухня. Надя перевернула её и записала имя Артёма, свой номер и время, когда он вышел из зала: 21:17.

— Ты точно помнишь? — спросила Ирина.

— Я смотрела на часы.

— Я его позже видела.

Надя остановила ручку.

— Где?

Ирина посмотрела на окно.

— Во дворе. Когда подходила к стеклу. У меня дома сигнализация сработала, муж позвонил.

— Во сколько?

— Сейчас посмотрю.

Она открыла список вызовов. Надя заглянула через плечо: входящий в 21:31, разговор четыре минуты.

— Ты уверена, что это был Артём?

— Синяя рубашка. Он стоял у той двери. Спиной.

Надя вписала в карточку ещё одно время. Менеджер забрал её, прежде чем Виктор успел что-нибудь сказать.

В гардеробе осталась одна чёрная куртка. Не пальто, как Надя запомнила, а простая стёганая куртка с серой подкладкой. Гардеробщица свернула кроссворд и убрала его в сумку.

— Его вещи, — сказала Надя.

— Если у вас номерок, забирайте.

— Номерок у него.

— Тогда не могу отдать.

На крючке куртки висел бумажный пакет. Надя попросила посмотреть, что внутри. Женщина ответила тем же голосом, что и про номерок:

— Не могу.

Саша вдруг шагнул к стойке.

— Он говорил, что там старые фотографии. Для всех нас.

— А мне этого не говорил.

— Татьяна Ивановна, — обратился Виктор к женщине, прочитав табличку над стойкой, — мы всё понимаем. Оставьте до утра. Я завтра свяжусь со Стасом.

Ему снова удалось сделать происходящее обычным. Завтра кто-то позвонит кому-то, утром найдётся потерянный человек, фотографии получит класс. Надя почти согласилась. Она устала и хотела выйти из этого длинного вечера.

Из кармана чёрной куртки раздался телефонный звонок.

Саша опустил руки.

Надя посмотрела на свой экран. Её палец лежал на кнопке вызова Артёма — она нажала её, пока слушала Виктора, и сама не заметила.

Телефон звонил ещё шесть секунд. Потом стих.

В общем чате появилось:

«Надя, не уноси конверт второй раз».

Глава 3. Вещи до утра

— Телефон может быть второй, — сказал Павел.

Надя повернулась к нему. Он стоял на нижней ступеньке лестницы, держа надетую куртку за молнию, словно не решался застегнуть её и окончательно объявить вечер законченным.

— Или компьютер, — добавил Саша. — Аккаунт можно открыть на нескольких устройствах.

— Ты открывал?

— Надя.

Он впервые за вечер произнёс её имя без шутки.

— Я спрашиваю про Артёма, — сказала она.

— Я понял, про кого ты спрашиваешь. Нет, я не открывал его аккаунт.

Гардеробщица смотрела на них с выражением, которое Надя помнила у учителей перед внеплановой родительской встречей: люди уже задерживали чужую жизнь, но ещё считали происходящее важным.

— Позовите менеджера, — попросила она.

Виктор достал свой телефон.

— Я позвоню Артёму. Вдруг твою трубку не хочет брать.

— Она здесь. Мы только что слышали.

— Значит, напишу.

Он отошёл к наружной двери. Лера вышла следом, но остановилась с другой стороны стекла. Они не разговаривали.

Менеджер вернулся с официанткой. Надя показала ему переписку, фотографию и время отправки. Он прочитал всё до конца, даже раскрытый в сообщении конверт, которого на самом деле не было: бумага на снимке просто топорщилась возле пальцев.

— Может, заранее написал?

— Как заранее?

— Отложил отправку. У нас в рабочем чате такие напоминания стоят.

Саша кивнул слишком охотно.

— Да. Именно.

Надя снова посмотрела на время: 23:42, 23:43, 23:51. Три сообщения. Между вторым и третьим они успели поговорить, подойти к гардеробу, позвонить. Артём мог предположить, что она станет искать его телефон. Мог знать, что она захочет взять пакет. От этого не становилось спокойнее.

— Тогда зачем он оставил куртку?

— Уехал на машине, — сказал менеджер. — Без куртки можно дойти до парковки.

— Свою он продал, — заметила Ирина.

Павел наконец застегнул молнию.

— Ребята, я уже вызвал такси. Если он ответит, напишите.

За ним стали собираться остальные. Ольга попросила Надю обязательно сообщить, чем всё закончится. Денис предложил помощь так широко — «что угодно, просто звони», — что Надя не нашла, о чём попросить его прямо сейчас. Они выходили по одному, оставляя после себя мокрые следы на плитке.

В конце остались Надя, Саша и Ирина.

— Может, заявление? — спросила Ирина.

Надя представила, как объясняет человеку по телефону: у них пропал организатор встречи выпускников, но не перестал присылать сообщения; в одном сообщении фотография

конверта, который она вернула семнадцать лет назад. Ей захотелось сократить историю до куртки. Куртку можно было потрогать.

— Сначала ещё раз позвоним его родственникам.

— Мама умерла, — сказала Ирина. — Отец где-то под Тверью.

— Ты знаешь номер?

— Нет.

Саша листал телефон.

— У меня рабочий. Он дизайн делает, можно написать в студию.

— Ночью?

— У них разные часовые пояса.

Он отвернулся, набирая сообщение. Надя не стала заглядывать.

Менеджер предложил оставить вещи закрытыми в кабинете. Гардеробщица сняла куртку, держа её двумя пальцами за петлю. Когда переложила на стойку, пакет завалился набок. Внутри что-то скользнуло и ударилось о дерево.

Не конверт. Край плоской прозрачной коробки.

На её крышке был приклеен белый прямоугольник. Надя увидела три напечатанные строки:

«ШКОЛА № 18. ВЫБОР. ФИНАЛ, 12.05.2009».

Она знала, что внутри. Или знала, что должно быть внутри: диск с записью конкурса. Их учили держать микрофон ниже подбородка, смотреть на заднюю стену зала и не называть свою фамилию прежде, чем ведущий прочитает её по списку.

Марина отрепетировала всё три раза.

— Не открывайте пакет, — сказала Надя.

Менеджер остановился.

— Я не собирался.

— И не отдавайте никому. Даже если скажут, что Артём просил.

Она произнесла это достаточно громко, чтобы Саша повернулся. Ирина сразу посмотрела на него, и Надя поняла, что своим замечанием уже распределила людей на тех, кому можно доверять, и остальных. Саша ничего не сказал.

— У вас здесь есть бумага? — спросила она менеджера. — Можно записать, что осталось?

— Акт какой-нибудь?

— Просто список. Куртка, телефон в кармане, пакет с диском. Я подпишу, вы подпишете.

Ирина тоже.

Он вздохнул, но пошёл за бумагой.

— Ты всегда была такой? — спросила Ирина.

— Какой?

— Чтобы всё на бумаге.

Надя хотела сказать, что редакторская работа приучает людей проверять чужие слова. Но дело было не в работе. Она однажды отдала бумагу, не оставив себе копии.

— Не всегда, — ответила она.

Татьяна Ивановна унесла сумку в соседнюю комнату. Саша положил телефон на стойку экраном вверх; над чатом горела строка с числом участников — девять. Первое сообщение вечером разослали девятерым. Пустой стул был десятым, но десятого человека в чате не было.

— Марину приглашали? — спросила Надя.

Ирина подняла голову.

— Ты же знаешь, она не приезжает.

— Это не ответ.

Саша убрал телефон.

— Ей отправляли. Молчит.

— Кто отправлял?

— Артём.

— Ты видел?

Он посмотрел на закрытую дверь, за которой скрылся менеджер.

— Надя, я не могу отвечать за каждую его переписку.

Вернулся Стас с белым листом и кассовой лентой.

— На обороте удобнее. Стол сегодня уже закрыли, это копия заказа.

Надя взяла бумагу. На ленте было напечатано время — 22:08. Под названием ресторана значились их блюда, десять порций закуски и одна строка «Комплексное меню — 1». Надя не помнила, чтобы кто-нибудь заказывал комплексное меню.

— Это десятое место? — спросила она, показав строку.

— Нет. Там девять банкетных наборов, а это отдельно. Посетитель попросил суп и горячее в контейнеры.

— Кто?

— Не знаю. Официант провёл через тот же стол, потом мы разделили.

Надя перевернула лист и начала писать список вещей. Пока менеджер звонил кому-то, она сняла на телефон кассовую ленту. Не знала, пригодится ли фотография, но не хотела второй раз просить бумагу, которую потом могли выбросить.

Ирина подписала первой. Следом менеджер. Надя добавила свой номер, потом спросила, где служебная дверь во двор.

— За кухней. Туда гостям нельзя.

— Человек в синей рубашке туда мог попасть?

— Если перепутал дверь.

— Её закрывают?

— Во время работы — нет. Поставки, курьеры.

Надя кивнула. Это была не тайная дверь и не особый выход для человека, задумавшего исчезнуть. Просто незакрытая дверь.

Когда они с Ириной вышли на улицу, Саша ещё оставался внутри. Он обещал забрать проектор, но проводов на столе уже не было.

Холод ударил по лицу. Надя остановилась под навесом и снова открыла фотографию из чата. В школе, перед кабинетом директора, она держала конверт левой рукой. Правой сжимала край пакета с туфлями.

Артём стоял возле неё. На снимке он смотрел на конверт.

Надя пролистала до последнего сообщения.

«Надя, не уноси конверт второй раз».

В первый раз она никуда его не уносила. Передала директору прямо в том коридоре. Артём видел это своими глазами.

Она открыла его вчерашнее приглашение, перечитала и набрала ответ:

«Ты обещал рассказать про Марину. Где ты?»

Позади хлопнула дверь. Саша вышел с проектором под мышкой и коробкой печенья в другой руке.

— Подвезти? — спросил он.

— Я уже заказала.

Он кивнул. Не стал уточнять, хотя на её экране оставалась переписка, а не приложение такси.

Надя убрала телефон и пошла к улице. В двадцати метрах от ресторана, под фонарём, она снова достала его. В личном чате появилось новое сообщение от Артёма.

«Про Марину расскажет тот, кто заплатил за её место».

Надя посмотрела на время: 00:07.

Суббота кончилась. Ответить ей по-прежнему было некому.

Глава 4. Утро без организатора

В восемь двенадцать Надю разбудил звонок матери.

— Я тебя не подняла?

— Подняла.

— Тогда чего говоришь таким голосом? Надо было не брать.

Надя села на кровати. Свитер лежал на стуле, рукавом в стакане с водой. Она вспомнила, как ночью поставила стакан, потом бросила сверху одежду. Четыре часа сна не помогли: в комнате пахло ресторанной свечой, а на телефоне всё ещё был открыт снимок из школьного коридора.

— Как встретились? — спросила мать.

Надя не помнила, чтобы рассказывала ей о встрече.

— Ты откуда знаешь?

— Ирина выложила фотографию. Её мама мне переслала. У Леры такое лицо, будто ей салат не достался.

— Нормально встретились.

Она провела пальцем по экрану. Новых сообщений от Артёма не было. Зато за ночь одноклассники успели обменяться сорока тремя репликами. Павел прислал улыбающийся смайлик в половине первого, Ольга в два попросила удалить её фотографию с открытым ртом. Последней, в семь сорок, написала Ирина: «Есть новости?»

— Мама, ты с его отцом не общаешься? С Артёмовым.

— Нет. А что?

— Он вчера ушёл и не вернулся.

— Из ресторана?

— Да.

— Надя, вам по тридцать пять лет.

Она закрыла глаза. До тридцати пяти взрослые объясняли, как опасно уйти, никому не сказав. После тридцати пяти исчезновение становилось признаком самостоятельности.

— Телефон и куртку оставил. А в чате от его имени пишут.

На другом конце стало тихо.

— Позвони Светлане Алексеевне, — сказала мать. — Она с его мамой дружила. Может, номер отца есть.

— У тебя есть её телефон?

— Где-то в блокноте. Сейчас найду.

Мать положила трубку на стол, не отключая звонок. Надя слышала, как открываются ящики. Знакомый звук помог сильнее, чем сон. В детстве она угадывала по нему, что ищут: документы доставали из верхнего, батарейки — из среднего, хлебные купоны, которые давно перестали действовать, мать почему-то хранила в нижнем.

— Записывай, — сказала она наконец.

Надя записала номер на обороте магазинного чека. Потом положила ручку рядом с телефоном и несколько секунд смотрела на них. Ей предстояло спросить бывшую учительницу о взрослом сыне покойной подруги, и она неожиданно боялась, что услышит в ответ: «А почему ты вчера не позаботилась?»

Светлана Алексеевна ответила сразу. На заднем плане кто-то просил открыть дверь на балкон.

— Надень тапки, — сказала она не в трубку. — Надежда? Я слушаю.

Надя изложила самое короткое: встреча, ушёл, вещи остались, на звонки не отвечает. Учительница не спросила, сколько им лет.

— Отец у него теперь в области. Они общались нечасто. Дайте минуту.

Пока она искала контакт, Надя открыла сайт студии Артёма. В разделе команды были фотографии пяти человек; он сидел на табурете, держа чашку с отколотой ручкой. Под снимком значилось: «Артём Круглов. Дизайнер, иллюстратор». Она впервые за вечер и ночь подумала о его фамилии. В чате он был просто Артём. В школьном журнале — Круглов, десятый сверху. Между этими двумя именами существовала жизнь, о которой Надя почти ничего не знала.

Светлана Алексеевна продиктовала номер. Потом спросила:

— Вы к нему домой ходили?

— Я не знаю, где он живёт.

— Вот это страннее оставленной куртки, — сказала учительница.

Отец Артёма снял трубку после пятого гудка.

— Кто?

— Надежда. Я училась с вашим сыном.

— Он денег должен?

— Нет. Мы ищем его.

Сергей Иванович слушал, не перебивая. В середине рассказа что-то громко поставил на твёрдую поверхность. Спросил время, название ресторана, повторил Надин номер.

— В пятницу разговаривали. Нормально говорил.

— Не собирался к вам?

— В ноябре. Помочь крышу доделать. Вчера не собирался.

Он пообещал тоже позвонить. На вопрос об адресе ответил, что сын недавно переехал, а новый адрес ему не прислал.

— Старый есть. Но он там уже не живёт.

Надя записала улицу и номер квартиры. Оказалось, Артём несколько лет жил в двух остановках от неё. Они могли стоять в одной очереди за хлебом и не узнать друг друга.

Сергей Иванович помолчал.

— Вы мне скажите сразу, если найдётся. В любое время.

— Скажу.

— А если не найдётся, тоже скажите.

Она поставила телефон на зарядку и пошла в ванную. На щеке остался след подушки. В зеркале она выглядела как человек, которому утром предстоит исправлять собственную ночную глупость. Это был знакомый вид: однажды после дедлайна она отправила автору письмо, в котором назвала его «дорогой Валерией». Автор был Валерой и воспринял ошибку как личное унижение.

Теперь у неё был открытый рабочий файл, четыре пропущенных сообщения от выпускающего редактора и исчезнувший одноклассник. Надя написала коллеге, что до обеда будет недоступна. Не стала добавлять объяснение — в нём неизбежно появилось бы слово «кажется».

В девять шестнадцать позвонил Саша.

— Артёму написал человек из студии. Он сегодня вообще не должен был работать.

— Дома проверили?

— Квартира у него новая. Я тоже адреса не знаю.

— Он ничего не говорил вчера перед встречей?

— Говорил, чтобы я купил переходник.

— Саша.

— Надя, я правда не знаю. Я с ним не каждый день общаюсь.

Она спросила про проектор и фотографии. Саша ответил, что Артём прислал папку в пятницу. Обычные школьные снимки. Никакого конверта он в ней не помнил.

— Можно посмотреть папку?

— Там двести фотографий.

— Пришли все.

— Зачем?

Надя открыла окно. Снизу гремел грузовик: в воскресенье во дворе привезли мебель, и водитель выяснял, где у подъезда пандус.

— Он оставил старый диск. Писал про конкурс. Может, в фотографиях есть что-нибудь, что мы не заметили.

— Я вечером пришло. Компьютер сейчас не со мной.

Она вспомнила, как он подключал проектор. Маленький ноутбук лежал рядом с красной коробкой. Саша аккуратно ставил на него стакан, потом заметил её взгляд и убрал.

— Хорошо. Вечером.

В общем чате Виктор написал, что Артём найдётся, а «раздуть из дружеского вечера публичную историю было бы неуважительно к нему». Надя прочитала фразу дважды. Никто пока не предлагал публичной истории.

Она ответила: «Я еду в ресторан. Отцу сообщила. Если кто-то знает новый адрес — напишите мне лично».

За сообщением появились три отметки прочтения. Ни одного адреса.

Ресторан открывался в двенадцать. В одиннадцать сорок Надя стояла у ограды и звонила Стасу. Он сказал, что будет через двадцать минут, но попросил подождать внутри: дверь для сотрудников уже открыта.

В пристройке вчерашний стол разобрали на два маленьких. Десятого стула не было. За одним столом сидела девочка лет пяти и ела из миски тёртый сыр. Женщина в форме официантки протирала стекло.

— Мама, это та тётя? — спросила девочка.

— Ешь.

Надя села у окна. На стекле, где ночью стояла Ирина, остался полукруг от плохо вытертой воды. За ним виднелась служебная дверь.

Ровно в двенадцать телефон завибрировал.

В общем чате появилось сообщение от Артёма:

«Деньги не исчезли. Они сменили фамилию».

Женщина, протиравшая окно, обернулась на звук. В руках у неё была тряпка, сложенная в аккуратный квадрат.

— Он вам ответил?

— Нет.

Надя показала экран, но женщина его не взяла.

— Тогда странно, — сказала она. — Он вчера очень хотел, чтобы ему ответили.

Глава 5. Женщина с папками

Официантку звали Вера. Накануне она работала не в их пристройке, а в основном зале; к одноклассникам заходила помочь с посудой. Надя узнала ведёрко льда, стоявшее на полке, но не стала спрашивать, кто именно его приносил. В голове уже слишком легко соединялись вещи, которые могли не иметь отношения друг к другу.

— Кому он хотел дозвониться?

— Не знаю. Ходил с телефоном по коридору. Я спросила, всё ли в порядке с заказом. Он сказал: с заказом да, с гостями пока нет.

— Это было до ужина?

— До вашего. Я ещё стол накрывала у камина.

Девочка поднесла к Наде пустую миску.

— Сыр съела.

— Молодец, — ответила Надя.

— Это не тебе. Это маме.

Вера поставила миску в пластиковый таз.

— Сегодня бабушка заболела, — сказала она, будто требовалось оправдаться за ребёнка.

— Пришлось взять сюда.

Надя кивнула. Ей хотелось спросить ещё десять вещей. Вместо этого она посмотрела на шнурок, выбившийся из кроссовка девочки.

— Наступишь. Развяжется совсем.

Девочка присела, натянула петлю и снова побежала к столу.

Стас пришёл в двенадцать восемь. В дневном свете он выглядел моложе: в ушах белели беспроводные наушники, которые он снял, увидев Надю.

— Есть новости?

Она показала полуденное сообщение. Стас прочитал его и покачал головой.

— Вещи в кабинете. Телефон с утра пару раз звонил. Я не отвечал.

— Отец, наверное.

— Тогда пусть отец и приедет. Я вам не могу отдать.

— Мне не надо отдавать. Можно хотя бы убедиться, что там всё осталось?

Он провёл её до двери кабинета. На столе лежала куртка в прозрачном пакете для одежды. Рядом стоял бумажный пакет с диском. Под ним Надя увидела их ночной листок.

Телефон остался в кармане. Стас не доставал его. Она поблагодарила менеджера — тот, казалось, удивился больше, чем её просьбе вчера.

— Меня записали с этим добром, — сказал он. — Я теперь не трогаю.

— Вы знаете, кому он звонил до встречи?

— Нет.

— Он приходил один?

Стас посмотрел в сторону зала.

— Сначала один. Потом с женщиной сидел у камина. Но вам лучше у Веры спросить, она обслуживала.

Надя вернулась к окну. Вера завязывала дочери волосы резинкой. На одной руке у девочки была приклеена бумажная звёздочка с надписью «Я помощник».

— Женщина с Артёмом, — начала Надя.

— Елена Борисовна. Из фонда. Она у нас мероприятия делает. Небольшие, для партнёров.

— Из «Шага»?

Вера кивнула.

— Они долго сидели?

— Минут сорок. Она ушла до вашего сбора. Папку оставила, он за ней побежал, вернул.

Такая синяя, с резинкой.

Вера потянула хвост дочери, и та вскрикнула.

— Не крутись.

— Можно её телефон? — спросила Надя.

Женщина перестала поправлять волосы.

— Личный не дам. У нас рабочие контакты.

— Тогда позвоните ей сами. Скажите, что Артёма ищут. Я подожду.

Стас, стоявший у двери, предложил позвонить из кабинета. Вера передала ему свой блокнот. Надя снова села у окна, а девочка заняла место напротив.

— Ты кого ждёшь?

— Человека.

— А он где?

— Не знаю.

Девочка помолчала.

— Тогда чего ты здесь ждёшь?

Надя не придумала ответа.

Через несколько минут Стас вернулся.

— Она с вами поговорит. Подождите у телефона.

В кабинете было душно. Надя взяла трубку стационарного аппарата, который лежал рядом с пакетом Артёма.

— Надежда? — спросил женский голос. — Мне объяснили не очень понятно. Артём Круглов после встречи не вернулся?

— Да. А вы видели его до встречи.

— Я разговаривала с ним. Мы закончили примерно в половине шестого. Дальше он ждал одноклассников.

— О чём разговаривали?

Женщина не ответила сразу.

— Вы давно с ним общаетесь?

— Почти не общалась. Он позвал меня на встречу.

— И всё?

— Обещал рассказать про школьный конкурс. Про Марину.

На другом конце трубки кто-то объявил следующую остановку. Надя поняла, что женщина едет в автобусе.

— Пойдёмте вниз, — сказала Елена Борисовна кому-то рядом. Потом снова обратилась к Наде: — Я сейчас не могу говорить. Вы будете в ресторане ещё полчаса?

— Буду.

— Хорошо. Я подъеду. Но папку я ему не оставляла. Сразу это скажу.

Она отключилась, не спросив, почему это важно. Надя положила трубку и вышла. Пока она ждала, позвонил Сергей Иванович. Он уже собирался ехать в город, попросил оставить ресторанный адрес сообщением.

— А сами вы где сейчас?

— Здесь.

— Тогда побудьте. Мне часа два с половиной.

Она пообещала.

Елена Борисовна пришла с пакетом из супермаркета и зонтом, на спице которого висел клочок целлофана. Ей было около шестидесяти. Седые волосы возле висков она не закрашивала; на пальце носила широкое кольцо без камня. Наде сначала показалось, что женщина

совсем не похожа на человека из фонда, привыкшего к торжественным фотографиям. Потом она вспомнила вчерашний снимок на сайте: та же женщина с цветами, смотревшая на конверт.

Вера предложила чай. Елена Борисовна отказалась, но через минуту попросила стакан воды.

— Ракитина, — представилась она. — Бухгалтер. Вы Надежда Соколова?

— Да.

— Он рассказывал, что вы редактор.

— Ещё что-нибудь?

Женщина поставила пакет на пол.

— Что вы возвращаете людям слова, которые они не хотели говорить.

Надя посмотрела на её руки. Возле большого пальца была красная полоса: тяжёлый пакет натёр кожу.

— Это неправда. Я в основном сокращаю слова, которые они уже сказали.

— Значит, он опять красиво сформулировал.

Елена Борисовна достала из сумки салфетку и вытерла мокрый край стола, хотя Вера протирала его несколько минут назад.

— Он хотел получить документы по старой программе. Я объяснила, что не могу вынести всё, что ему интересно. Мы не школьный кружок.

— Вы тогда тоже работали в фонде?

— Это была программа при другом юридическом лице. «Шаг» появился позже. Часть проектов перешла к нему. Названия меняются чаще, чем шкафы.

— В том конкурсе победила Марина Белова?

Ракитина подняла глаза.

— А вы что помните?

Надя рассказала про конверт. Без суммы, без того, сколько времени держала его в руках. Женщина слушала и двумя пальцами разглаживала салфетку.

— Я не знала, что деньги давали наличными, — сказала она.

— Но вы бухгалтер.

— В том мае я была помощником. Ведомости видела. Кто кому дал конверт в коридоре — нет.

— Значит, ведомости сохранились?

— Я этого не сказала.

— Артём из-за них приходил?

— В том числе.

Вера принесла воду. Елена Борисовна сразу отпила половину.

— Послушайте, — сказала она. — Он оставил у вас старый диск. На нём должен быть школьный концерт. Я не видела, что именно записано, он только коробку показывал. Мне сказал, что попросит вас посмотреть.

— Почему меня?

— Потому что вы там были. И потому что ему нужен был кто-то, кто умеет не только смотреть на картинку.

— Он мог просто написать.

— Я ему то же самое сказала.

Надя показала женщине последние сообщения. Ракитина прочитала их, увеличила фотографию, потом вернула телефон.

— Этого он мне не показывал.

— Он собирался устроить такое?

— Собирался кое-кого заставить вспомнить. Я просила обойтись без спектакля.

— И он ушёл после разговора с вами.

— Я ушла в половине шестого. Он — позже. Не связывайте вещи, только потому что они рядом.

Последняя фраза прозвучала резко. Елена Борисовна отодвинула стакан, потом подтянула его обратно к себе.

— Простите. У меня отец в больнице. Я оттуда еду. Сегодня не очень хороший день для вопросов.

Надя впервые посмотрела на пакет у её ног: внутри лежали бутылка воды, маленькие соки и свёрток с чистой рубашкой.

— Можно с вами связаться потом?

Женщина записала номер на салфетке. Ни визитки, ни логотипа фонда. Под номером поставила букву «Е».

— Мне не нужен скандал, — сказала она. — Мне надо, чтобы он ответил. Он мне обещал одну вещь вернуть.

— Папку?

— Нет.

Елена Борисовна подняла пакет. Надя тоже встала.

— Что вы ему дали?

— Ничего, что он мог бы продать.

Она пошла к выходу, но возле гардероба остановилась.

— В школе кто вручал вам деньги?

— Директор.

— Конверт был заклеен?

Надя почувствовала, что ответ знает быстрее, чем готова его произнести.

— Нет.

— Тогда вы могли видеть вложенную бумагу.

— Там были только деньги.

Ракитина смотрела на неё молча. Надя услышала, как в зале девочка спорит с матерью из-за новой звёздочки.

— Проверьте, что вы помните, — сказала женщина. — Там должна была быть бумага с именем получателя.

Глава 6. Девять человек

Сергей Иванович приехал в три двадцать. Вместе с ним из машины вышел мужчина в рабочей куртке с пятном краски на рукаве. Отец Артёма представил его как соседа, который согласился подвезти. Надя назвала себя, но мужчина только кивнул и остался возле ограды.

Она думала, что Сергей Иванович окажется похож на сына. Похожи были лишь руки: длинные пальцы, выступающие суставы. Сам он был коренастым, с тяжёлой шеей и рыжеватой щетиной, которую, вероятно, не успел сбрить перед дорогой.

— Покажите, — сказал он.

Стас отнёс вещи на тот самый стол у окна. Девочку Веры к этому времени забрала бабушка. Вера снова была просто официанткой и не смотрела на них, проходя к кухне.

Сергей Иванович осмотрел куртку, проверил карман, но не стал вынимать телефон.

— Его.

На экране телефона сквозь ткань коротко вспыхнул свет. Надя увидела только цифры времени.

— Ваши звонки были утром, — сказал Стас. — Я не отвечал.

— Правильно.

Он посмотрел на пакет с диском.

— Это с дачи. У нас на антресоли коробки лежали. Он в среду приезжал, забирал. Сказал, для школы.

— Вы вчера говорили, что разговаривали в пятницу, — заметила Надя.

— В пятницу — по телефону. Приезжал в среду.

Она кивнула и достала блокнот, купленный по дороге в ближайшем канцелярском магазине. Вчера писала на чеках. Теперь у происходящего появились собственные страницы.

Сергей Иванович спросил, сколько человек было на встрече. Надя перечислила девяти-рых, включая Артёма. На имени Виктора он поднял голову.

— Зорин?

— Да.

— С ним тоже учились?

— Все из одного класса.

Он посмотрел в окно.

— Не знал, что они снова общаются.

— Они ссорились?

— Это вы у Артёма спросите.

Отец сказал и сам услышал, что ответа пока не будет. Отодвинул пустой стакан и попросил Надю показать все сообщения с начала вечера.

Он читал медленно. На школьной фотографии задержался, но вопросов не задал.

— Номер отца кто-нибудь ещё просил? — спросила Надя.

— Зорин звонил перед вами. Сегодня утром. Сказал, Артём вчера ушёл, они волнуются. Но про телефон не говорил.

Надя опустила ручку.

Виктор тоже знал, кому звонить. Он сделал это раньше неё и ничего не написал в общий чат. Можно было объяснить его молчание заботой о личной жизни Артёма. Можно было — желанием первым изложить историю. Надя записала только факт звонка. Причину оставила пустой.

Сергей Иванович подошёл к Стасу.

— Дайте мне адрес ближайшего отдела. Не нравится мне всё это.

Стас показал на телефоне карту. Надя предложила поехать вместе. Отец согласился так быстро, что ей стало неловко за ту долю секунды, когда она надеялась услышать отказ.

У ограды Сергей Иванович отвёл соседа в сторону. Пока они говорили, Надя написала одноклассникам: «Его отец приехал. Артём к нему не приезжал. Будем обращаться в полицию. Пожалуйста, пришлите мне отдельно, когда вы видели Артёма последний раз и как он себя вёл. Лучше сразу по памяти, пока не обсуждали друг с другом».

Павел ответил первым:

«А что случилось-то?»

Она не знала, что добавить к куртке и телефону. Написала: «Пока неизвестно».

В отделе пахло батареями и дешёвым кофе. Надя сидела на пластиковом стуле, пока Сергей Иванович рассказывал о сыне. Человек в форме спросил, были ли у Артёма проблемы со здоровьем, кому он мог доверять, с кем недавно ссорился. Когда дошло до школьного чата, Надя показала свой телефон. Её попросили сохранить переписку и оставить контакт.

Никто не предложил подождать три дня. Никто и не обещал, что через час они увидят Артёма на записи со всех камер города. Им задавали короткие вопросы, и впервые за сутки Надя перестала чувствовать себя единственным человеком, который должен был знать, какой вопрос следующий.

На обратной дороге Сергей Иванович держал на коленях сложенную бумагу.

— Я у сестры остановлюсь, — сказал он. — Она здесь недалеко. Вы домой езжайте.

— Я буду на связи.

— Мне ваш телефон записали. Спасибо.

Она вышла у остановки и почувствовала, как сильно хочет есть. В ресторане ей дважды предлагали еду, но она отказалась: казалось неправильным обедать, пока перед тобой лежит чья-то куртка. Теперь купила в киоске пирожок с картошкой, обожгла нёбо и весь путь до дома чувствовала вкус горячего теста.

Ольга прислала голосовое сообщение длиной четыре минуты. Начала с того, что вчера почти не смотрела на Артёма. Потом перечислила, как он менялся с Лерой, выходил, кому улыбнулся и кому не улыбнулся. В середине сказала:

«У него, по-моему, синий свитер был, не рубашка. Но это неважно».

Надя записала: «Ольга — синий свитер». На столе ещё лежал её собственный мокрый свитер; она отнесла его в ванную, вернулась и включила голосовое заново.

Денис написал, что Артём зашёл к нему в коридор «часов в десять». Следующим сообщением уточнил: возможно, раньше. В третьем объяснил, что сам тогда выходил на звонок и времени не смотрел.

Павел ответил двумя предложениями. Видел, как Артём встал из-за стола. Потом видел его у двери, когда пошёл в туалет. Время не помнит. Зато точно помнит, что на Артёме была куртка.

Куртка, которую оставили в гардеробе.

Надя не стала писать ему, что он ошибается. Спросила, у какой двери.

«У входа. Там где стойка», — ответил Павел.

Лера прислала текст без приветствия:

«Последний раз видела его, когда поменялись местами. Больше не смотрела».

Виктор позвонил.

— Отец доехал?

— Да.

— Хорошо. Давно собирался к нему приехать.

— Ты почему не написал, что уже поговорил с ним?

— Надя, я не обязан отчитываться в общем чате о каждом звонке.

Она закрыла блокнот.

- Я искала контакт. Ты видел моё сообщение.
- Я предложил ему помощь. Он справился. Что ещё нужно?
- Как ты помнишь уход Артёма?
- Встал и ушёл. Ты же там сидела.
- Я спрашиваю каждого.
- Зачем? Ты теперь следователь?
- Нет. Хочу не забыть, что было.
- Тогда не записывай людей против их желания.

Она посмотрела на телефон. Звонок не записывался. Виктор мог иметь в виду записи в блокноте, но выбрал слово, подходившее сразу к нескольким страхам.

- Ты говорил с ним после того, как он вышел?
- Нет.
- Кто-то ещё был у него до нас. Женщина из фонда.

На другом конце послышался щелчок. Виктор, вероятно, переставил телефон с одного уха на другое.

- Елена Борисовна? Он делал для нас макеты. Наверное, расчёты обсуждали.
- Она говорила про старые документы.
- Елена Борисовна любит старые документы. В этом смысл её профессии.
- Почему ты оплатил ужин?
- Хотел сделать приятное классу. Теперь начинаю жалеть.

Виктор отключился. Надя открыла блокнот и записала его «нет» рядом с вопросом о разговоре после ухода. Остальное пока оставила в телефоне, в памяти звонка.

Ирина прислала фотографию списка вызовов, который показывала ночью. Потом ещё одно сообщение:

«Я не хочу напутать. Лица не видела. Рубашка точно синяя, но это мог быть не он».

Надя зачеркнула в своей первой записи слово «Артём». Написала над ним: «Человек».

От Саши пока ничего не пришло. Она поставила телефон на стол, открыла рабочий файл и прочитала первую фразу рукописи, которую обещала проверить к понедельнику: «Каждая семья хранит тайну, способную перевернуть её жизнь».

Надя удалила фразу. Потом вернула. Сегодня ей не следовало решать, какие чужие тайны достаточно убедительны для книги.

В восемь вечера Саша прислал ссылку на папку с фотографиями. Следом написал:

«От Артёма ещё в пятницу. Ничего своего не добавлял».

Она открыла папку. В ней было сто восемьдесят семь снимков. Первый — школьный двор. Второй — старая лестница. Третий — стол с дипломами.

На четвёртом директор стоял перед занавесом, протягивая конверт девушке.

Девушка была Надя.

У неё за спиной, чуть дальше от сцены, Марина держала диплом так, что нижняя половина листа упиралась в колено.

Надя увеличила снимок. На дипломе можно было разобрать только два слова.

«Первая премия».

Глава 7. Правильная фамилия

На фотографии у Нади были голые плечи. Она помнила платье — мать купила его на распродаже и два вечера убирала лишние сантиметры под мышками. А на снимке в коридоре была школьная рубашка с застёгнутым воротником.

Оба снимка относились к двенадцатому мая. Вручение происходило утром, перед уроками. Надя потом переоделась в туалете и пошла к директору, держа платье вместе с туфлями в пакете. До фотографий она не вспоминала, что в этом пакете были не только туфли.

Она открыла следующий снимок. Учитель литературы стоял возле микрофона, прижимая папку к животу. Директор держал лист с фамилиями. Марина уже ушла со сцены, а Надя всё ещё улыбалась, глядя в объектив. Конверта в руках не было — она спрятала его за спину.

Школьный зал казался тесным. В памяти он был большим: сцена, занавес, ряды стульев, у задней двери учитель физкультуры с фотоаппаратом. Теперь Надя различала отсыревший угол над батареей и стол, прикрытый короткой скатертью. На потолке висел бумажный шар, оставшийся после весеннего праздника. Его никто не снял к вручению гранта.

Рядом с директором сидел мужчина, которого она помнила как «Витино папу». Густые волосы с зачёсом назад, тёмный пиджак, часы на кожаном ремешке. При его появлении школьные взрослые меняли голос. Виктор смотрел на отца так же, как другие смотрели на директора: проверял, правильно ли делает лицо.

Мужчина присутствовал на вручении не как родитель. Перед ним стояла табличка «Попечитель программы». Надя смогла разобрать её, когда уменьшила снимок и посмотрела на контрастные буквы целиком, а не пыталась приблизить каждую отдельно.

Она написала Саше: «Кто это фотографировал?»

Он ответил через минуту:

«Я. Отец дал камеру».

«Почему ты не помнишь фотографию с конвертом? Она прямо в начале папки».

«Тот снимок из коридора не мой. У меня сценка и вручение. Я говорил про него».

Надя перечитала их утренний разговор. Она спросила, помнит ли он конверт в папке; он, вероятно, действительно понял её по-другому. Записала это отдельно. Ей не нравилось, как быстро вчерашнее раздражение заставляло превращать чужую неточность в ложь.

На одиннадцатом снимке победители держали дипломы перед грудью. Марина — выше других, почти под подбородком. Директор стоял слева, Виктор справа от отца. Самому Виктору диплома не дали. В руках у него была узкая папка из тёмно-синего пластика.

Надя скопировала фотографию в отдельную папку и подписала: «12 мая. После вручения». Не стала добавлять слово «победители». Она могла помнить неправильно.

Матери она позвонила почти в девять.

— Ты не спишь?

— Смотрю телевизор. Нашёлся?

— Пока нет. Мам, у тебя школьная папка моя осталась?

— Какая?

— С дипломами. С газетными вырезками.

— Я ничего не выбрасывала. Ты же просила.

Надя не помнила такой просьбы. За прошедшие годы у матери скопились вещи, которые дочь якобы просила сохранить: сломанная кукольная коляска, первые джинсы, поздравление от депутата, зачитанное на линейке. Но спорить сейчас было бы неблагодарно.

— Я завтра заеду.

— Тогда борщ не буду убирать в морозилку.

— Хорошо.

— И хлеб купи, если поздно будешь. У меня половина осталась.

Это было самое обычное поручение за день. Надя записала «хлеб» на последней странице блокнота, рядом с новым номером Артёмова отца.

В понедельник она сначала открыла рабочую почту. Выпускающая спросила, в силе ли срок. Надя попросила перенести сдачу на среду и получила ответ: «Тогда напиши, пожалуйста, прямо сейчас, какие главы можно отдать другому редактору».

Ей не нравилось делить работу. Чужие изменения пришлось бы проверять заново, а объяснять устройство книги дольше, чем исправить две страницы. Она уже собиралась написать, что успеет, но увидела фотографию диплома на втором экране.

«Последние пять», — ответила она. Приложила заметки и закрыла файл.

Мать жила в другом конце города. Во дворе пахло мокрыми листьями, под старой лавкой лежал детский самокат. Лифт по-прежнему останавливался на четыре сантиметра ниже пола. Надя подняла ногу выше обычного и услышала из-за двери знакомое:

— Открыто!

На столе стояла кастрюля. Школьная папка лежала рядом, прижатая банкой варенья.

— От сырости крышка выгнулась, — сказала мать. — Я вытащила, пусть полежит.

Надя сняла куртку и стала искать, где оставить сумку. Мать отнесла её на табурет, не спрашивая, что случилось в отделе полиции. Как будто решила: дочь сначала должна поесть.

Папка была зелёной, хотя Надя помнила синюю. Под прозрачной обложкой лежал лист «Мои достижения». Она подписала его в шестом классе и потом ни разу не обновила. На первом месте значился районный конкурс чтецов, на втором — олимпиада по русскому языку. Ниже рукой матери было вписано: «Благотворительный конкурс, диплом».

— Ты про двенадцатое мая что-нибудь помнишь? — спросила Надя.

— Конечно. Мы же платье покупали.

— Не про платье.

Мать поставила миску перед ней.

— А про что?

Надя рассказала о фотографии Марины. Мать достала из папки узкую полоску пожелтевшей газеты.

— Здесь про всех. Только тебя неправильно написали. Я хотела позвонить в редакцию, но ты сказала, не надо.

Внизу заметки действительно стояло «Надежда Сковорода». Надя улыбнулась: эта ошибка не имела никакого значения семнадцать лет назад. Тогда она боялась, что любая поправка привяжет её имя к конкурсу ещё крепче.

Заметка называлась «Выбор сделан». Автор хвалил школьников за творческие проекты, которые помогали «увидеть родной город по-новому». Перечислял дипломантов, отдельно отмечал литературную работу Надежды Сковороды. А в первом абзаце было написано:

«Образовательный грант попечительского совета получит выпускник школы № 18 Виктор Зорин».

Надя положила ложку.

— Он же не участвовал.

— Участвовал. У него там было про интернет.

— Это Саша делал.

— Я не знаю, кто делал. На линейке Виктор рассказывал.

Надя перечитала абзац. Ни слова «победитель», ни «первая премия». Грант попечительского совета. Выходило, что на сцене могли вручить диплом одному человеку, а деньги — другому, и газетная заметка не увидела в этом противоречия.

Мать пододвинула хлеб.

— Марина тогда сильно обиделась. Мама её говорила, что они билет в Москву уже купили. На консультацию, кажется.

— Почему ты мне не сказала?

— Ты всё знала. Вы же дружили.

— Мы после конкурса почти не разговаривали.

— Я думала, из-за денег.

Надя посмотрела на мать.

— Каких?

— Твоих. Ты же принесла тогда пять тысяч. Сказала, премия.

Она сжала край стола. Это было неприятно, но не неожиданно. Деньги домой принесла. Показала матери. Вместе они пересчитали десять купюр по пятьсот.

Потом Надя вернула конверт в школу. Не в тот же час. После утреннего вручения она успела съездить домой, снять платье и рассказать, что её отметили отдельно. В памяти поездка слилась с тем, как она переодевалась в школьном туалете позже, перед разговором с директором. Она хранила отказ, старательно оставляя за скобками всё, что ему предшествовало.

— Я их вернула, — сказала она.

Мать опустилась на стул напротив.

— Знаю.

— Тогда зачем ты говоришь, будто я получила?

— Ты получила. Потом вернула. Это разные вещи.

В коридоре хлопнула соседская дверь. Надя услышала, как женщина с третьего этажа зовёт кошку, хотя кошка умерла несколько лет назад; это была, вероятно, новая, с тем же именем.

— Ты хотела с директором поговорить, — сказала мать. — А я не дала.

— Он бы всё равно ничего не объяснил.

— Может быть. Но я не объяснения хотела. Я хотела понять, почему моя дочь вечером сидит в ванной и не выходит.

Надя посмотрела на кастрюлю. На её краю был маленький скол, которого она раньше не замечала.

Мать поднялась первой.

— Я ещё одну вещь нашла.

Она принесла тетрадь в красной обложке. Между последними страницами лежала копия Надиного текста для конкурса — рассказ о доме, который собирались сносить. Надя напечатала его в библиотеке, потом исправила несколько слов шариковой ручкой.

Внизу последней страницы стояла надпись чужим почерком:

«После финала не отказывайся сразу. Ты заслужила хотя бы это».

Надя узнала руку Артёма. Он ставил точку над «й», а палочку у «т» иногда не дописывал.

— Это он тебе написал? — спросила мать.

— Да.

— А говорил, что никого не видел.

— Когда говорил?

— В тот день. Пришёл после тебя. Я думала, вы вместе из школы.

Надя осторожно достала лист из тетради.

Снимок в коридоре показывал двух человек, которые вернули деньги. Надпись на рассказе принадлежала одному из них. И этот человек сначала просил её деньги оставить.

Глава 8. Пакет для всех

На обратном пути Надя позвонила Сергею Ивановичу. Он был в ресторане: хотел забрать вещи сына, чтобы не оставлять их у незнакомых людей. Стас согласился передать куртку и пакет. Телефон лежал выключенный — батарея села к утру.

— Диск тоже забираете? — спросила Надя.

— Всё забираю. Оттуда толку больше нет.

— Можно мне его посмотреть? Артём просил.

Отец не спросил, где это записано. Сказал, что подождёт её.

Ресторан уже был занят обедом. За окном сидела пара в одинаковых худи, у камина мужчина читал меню, двигая губами. Надя нашла Сергея Ивановича в коридоре. Куртку он держал под мышкой, пакет — двумя руками, будто внутри было стекло.

— Зорин звонил, — сказал он вместо приветствия. — Сказал, может отвезти телефон своим знакомым. Разобраться, кто пишет.

— Вы отдали?

— Нет. Полиция разберётся, если надо. Я не люблю, когда вокруг чужой вещи сразу столько помощников.

Он поставил пакет на подоконник и достал коробку с диском. Под ней лежала белая карточка, которую ночью не было видно.

С одной стороны был напечатан старый школьный герб — раскрытая книга и лучи солнца. С другой шариковой ручкой написано:

«Наде. После встречи. Не Сашин монтаж».

Надя почувствовала, как Сергей Иванович смотрит на неё.

— Это вам?

— Мне. Думаю, да.

— Тогда смотрите. Только верните потом.

Она сфотографировала карточку и коробку в его руках. Отец спросил зачем.

— Чтобы не забыть, как всё лежало. И чтобы было понятно, что вы дали мне сами.

— Я и так скажу.

— Знаю.

Он передал коробку. Когда она закрыла пакет, внизу обнаружился ещё один диск в бумажном конверте. Без надписи. Сергей Иванович разрешил взять и его.

— С таким мы выпускные снимали, — сказал он. — Я тогда камеру у соседа брал. Артём по дому неделю ходил, всё подряд снимал.

— Может, он сам снимал конкурс?

— Камеру в школу носил. Дальше не знаю.

Надя положила оба диска в сумку и предложила вместе выпить чаю. Сергей Иванович отказался: сосед ждал у сестры, нужно было решить, останется ли он ещё на ночь.

Они вышли на лестницу. Отец Артёма осмотрел двор.

— Тут говорили, его видели?

— У той двери. Но девушка не уверена.

Он подошёл к ограде, потрогал холодную перекладину и постоял несколько секунд, ничего не рассматривая.

— Ему маленькому нравилось уходить не той дорогой, — сказал Сергей Иванович. — Пойдём в магазин, а обратно обязательно дворами. Вечно хотелось посмотреть, что с другой стороны.

Надя не стала превращать это в объяснение исчезновения. Сказала только, что позвонит, как посмотрит запись.

Дома оказалось, что смотреть не на чем. В ноутбуке, которым она пользовалась три года, не было дисководов. В рабочем старом компьютере дисковод был, но компьютер давно стоял в коробке на верхней полке шкафа. Надя достала его, сдвинув две стопки зимних вещей. Провод питания нашёлся в пакете с зарядками от телефонов, которыми она уже не пользовалась.

Компьютер включился. Пока загружался, она вспомнила, что паролем служила фамилия бывшего мужа и год свадьбы. Пароль сработал. На рабочем столе появилась фотография моря, возле которой её нынешняя квартира казалась чересчур маленькой.

Надя вставила диск с подписью конкурса. Привод зажужжал, потом стих. Появилось сообщение об ошибке. Она вынула диск и посмотрела на нижнюю сторону: по ней шёл широкий мутный след, похожий на царапину от трения в коробке.

Она не стала тереть его рукавом. Положила обратно, закрыла и записала: «Подписанный диск — не открывается на моём компьютере». Не «повреждён», не «стёрт». Она не знала, в чём дело.

Второй диск открылся. На нём лежали три видеофайла. Надя создала папку с датой и попробовала скопировать их. Первый скопировался быстро, второй остановился на половине, третий тоже сохранился. Она записала, какие файлы удалось прочитать, и только потом включила первый.

На экране появился школьный зал. Не сцена, а задние ряды: ученики стояли у стены, кто-то держал бутылку воды. Камера качнулась, мелькнул пол и край Артёмовой кроссовки. На фоне учительница просила освободить проход.

Потом изображение выровнялось. Артём передал камеру кому-то другому. Его голос прозвучал совсем близко:

— Тут кнопка. Не нажимай второй раз, остановишь.

Надя сняла наушники. Ей показалось несправедливым, что семнадцатилетний голос доносится так отчётливо, а взрослый человек не может ответить ни на один звонок.

Она вернула наушники и досмотрела.

Марина вышла на сцену в чёрной юбке и белой рубашке. На левом рукаве висела нитка. Надя вспомнила, как хотела её оборвать, но подруга сказала не трогать: рукав был подшит наспех, нитка могла держать весь шов.

Её проект назывался «Двор, в котором можно оставаться». На экране сменялись фотографии пустыря между тремя домами, эскизы скамей, схема освещения. Марина говорила про подростков, которым негде встречаться, кроме магазина и остановки. Когда закончила, люди в зале хлопали долго, а камера повернулась к попечительскому столу.

Витин отец не хлопал. Наклонился к директору и что-то сказал, прикрыв рот двумя пальцами. На записи слов было не слышно. Надя отмотала назад один раз. Потом остановилась. Человек мог просить воды. Она не умела читать по губам и не собиралась учиться на нужном ей ответе.

Следующим выступал Саша. Он вышел на сцену с ноутбуком. За ним поднялся Виктор, в такой же белой рубашке, но без школьной эмблемы на кармане.

— Наш проект, — начал Виктор, — поможет сделать взаимодействие школы и города удобнее.

Саша стоял у стола, подключая кабель. Ведущая прочитала с листа фамилии обоих. В статье, которую хранила мать, упоминался только Виктор.

Надя перемотала запись до конца первого файла. Там было ещё два выступления, включая её собственное. Она сидела на сцене, держа лист обеими руками. Первую строчку читала по бумаге, вторую знала наизусть. Ей было трудно смотреть на эту версию себя: девушка ещё рассчитывала, что удачно подобранное слово способно изменить решение взрослых.

Второй файл не открывался. Третий начинался с конца вручения.

Директор передавал Виктору синюю папку. Ведущая стояла рядом с микрофоном, но говорила не в него:

— А первую премию мы уже объявили.

Директор что-то ответил. Зал шумел, и слова потерялись.

— Я сейчас объясню, — сказал отец Виктора.

Он поднялся и подошёл к микрофону. Камера дрогнула, будто человек, который снимал, хотел разглядеть лицо через видеоискатель получше.

— Дорогие друзья, — сказал попечитель. — Творческая награда и решение о финансировании — разные вопросы. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас уехал отсюда, не понимая этого.

Кто-то у камеры тихо усмехнулся. Артём сказал:

— Поздно.

Запись оборвалась.

Надя остановила проигрыватель, хотя он уже ничего не показывал. Ночь воскресенья, утро понедельника, две поездки, короткий разговор у гардероба — всё привело к одной фразе. Ей по-прежнему не было известно, что произошло. Зато было ясно: она не выдумала чужой диплом и не перепутала Марину с победителем другого конкурса.

Она позвонила Елене Борисовне. Женщина ответила не сразу.

— Вы посмотрели?

— Часть. На одном диске запись не читается.

— Не отдавайте первый попавшемуся мастеру. Старые вещи они иногда сначала «лечат», потом спрашивают, что нужно было сохранить.

— Артём вам эту запись показывал?

— Фрагмент с вручением. Не целиком.

— Там говорят, что премия и финансирование — разные вопросы. Это было нормально?

— Без документов я вам не отвечу.

— А с документами?

Ракитина помолчала.

— Позвоните завтра после десяти.

— Виктор знает, что вы встречались с Артёмом?

— Знает, что мы работали. С дизайном.

— Он мне тоже так сказал.

Женщина выдохнула. Надя услышала на заднем плане шум воды.

— Надежда, вы кому рассказывали про наш разговор?

— Виктору. Сказала, что вы говорили про старые документы.

Кран выключили.

— Понятно, — сказала Ракитина. — Завтра после десяти. Я сейчас не могу.

Надя положила телефон и открыла блокнот. Напротив имени Елены Борисовны написала: «Уточнить, какой разговор можно упоминать». Потом зачеркнула. Поздно уточнять решение на слова, которые уже сказала.

В десять двадцать вечера в общем чате появился файл от Артёма. Одностраничный документ, фотография бумаги без видимого края стола.

Заголовок: «Список участников программы».

В четвёртой строке стояло:

«Белова Марина Сергеевна».

Рядом, в графе «Получатель финансирования», было вписано другое имя.

«Зорин Виктор Андреевич».

Глава 9. Лев

Утром Надя распечатала список. На принтере не хватило чёрной краски, и фамилия Виктора вышла полосатой. Она положила бумагу рядом с монитором, посмотрела на неё и убрала в ящик. Чужая фотография документа не становилась надёжнее от того, что её можно было держать в руках.

На телефоне уже было шестнадцать новых сообщений.

Ольга спрашивала, можно ли удалить файл. Денис хотел знать, почему там две фамилии. Саша ответил, что это может быть черновик. Виктор написал длиннее всех:

«Коллеги, прошу не распространять документы, источник и подлинность которых неизвестны. Я разговариваю с семьёй Артёма и делаю всё, чтобы прояснить ситуацию. Это точно не повод обсуждать персональные данные участников старых программ».

Надя не ответила. Впервые за два дня её устроила часть его сообщения: подлинность действительно была неизвестна. Но почему Виктор звал школьных знакомых коллегами, она понять не могла.

Лера написала ей лично: «Ты позвонила в фонд?»

Надя набрала «нет», потом стёрла. Она разговаривала с бухгалтером, пусть и не через официальный номер. Ответила: «С Еленой Борисовной. Она вчера встретила со мной в ресторане».

Две отметки прочтения появились сразу. Ответа не последовало.

В девять пятнадцать позвонил незнакомый мужчина. Представился Львом Грозовым, назвал отдел и сказал, что разговаривал с Сергеем Ивановичем Кругловым.

— Вы присутствовали на встрече?

— Да.

— Можете подъехать сегодня?

Надя посмотрела на открытый рабочий файл. На полях остался комментарий коллеги: «Нужен ответ автора, иначе не выпускаем».

— Могу. Когда?

Они договорились на одиннадцать. Она записала имя и номер, потом набрала Сергей Ивановича. Он подтвердил, что Лев говорил с ним утром. На вопрос, появились ли новости о сыне, ответил:

— Пока спрашивают.

В отделе Надю провели в небольшой кабинет с двумя столами. За ближним мужчина лет сорока просматривал листы. На дальнем лежали кружка, перевёрнутый степлер и пакет яблок. Одно яблоко выкатилось из пакета и упиралось в клавиатуру.

— Надежда Соколова? — спросил мужчина.

Она кивнула. Он поднялся, представился ещё раз и предложил сесть.

Лев был в сером свитере поверх рубашки. На рукаве виднелась короткая полоска белой нити — так бывает, когда задеваешь застёжку сумки. Надя заметила её и сразу вспомнила Маринин рукав на записи. За два дня любая мелочь начала проситься в улики.

Она достала блокнот.

— Здесь, как я помню вечер. И ответы остальных. Они не совпадают.

— Сначала ваш вечер, — сказал Лев. — Ответы остальных отдельно.

Он не стал смотреть блокнот, пока она рассказывала. Спросил, где сидел Артём, что было на нём, какой телефон лежал на столе. Надя знала цвет рубашки и не помнила телефон. Чёрный прямоугольник. Такой же, как у половины гостей.

— Когда вы видели, что он забрал его со стола?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.